

М. Э. Калимуллина

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «ЗАКЯТ» МУСЫ БИГИЕВА*

(М.: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ «МЕДИНА», 2025)**

КАЛИМУЛЛИНА Мадина Эмировна —

канд. экон. наук, доцент,

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(109028, Россия, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11).

E-mail: mk@alifconsult.com

ORCID ID: 0000-0003-3829-1934

Аннотация. В рецензии анализируется труд выдающегося представителя исламского модернизма — татарского богослова Мусы Джаруллаха Бигиева «Закят», написанный в 1916 г. [издание 2025 года, Издательский дом «Медина», 160 с.], где последовательно разбираются соотношение *закята* и налогов, проблемы ростовщичества и потенциальной модели исламского банка. Издание дополнено ценными комментариями переводчика и редакции,

*

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

© М. Э. Калимуллина, 2026

© Ислам в современном мире, 2026

** Бигиев М. Закят/Духовное упр-е мусульман РФ; Моск. ислам. ин-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотатар. И. А. Зарипова и Т. Х. Хабибуллина, примеч. и предисл. И. А. Зарипова. Серия: «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление» («Наследие Мусы Бигиева»). М.: Издательский дом «Медина», 2025. 160 с.

ускоряющими погружение в исторический контекст. Книга актуальна благодаря подходу *мақъсид аш-шарӣ‘а* и *иджтихāду*, идеи которого в ряде аспектов предвосхитили развитие современного исламского банкинга, подчеркивая необходимость непрерывного поиска решений в изменяющейся финансовой конъюнктуре. Первая часть труда Бигиева посвящена полемике вокруг соотношения *закят* и налогов и представляет собой подробный разбор статьи его современника З. Аюханова, в которой автор выявляет как текстологические, так и методологические ошибки. Через анализ неточности в передаче *ҳадйса* и лингвистические замечания М. Бигиев предстает внимательным исследователем и знатоком арабского языка, текстов Корана и Сунны. Автор последовательно доказывает принципиальное различие между *закатом* и налогом. Во второй части книги, опираясь на коранические *айаты*, М. Бигиев анализирует *рибā* с различных аспектов, приводя доводы сторонников различных экономических школ и отвечая на них. К наибольшей ценности труда можно отнести подход автора к разделению ссуд на потребительские (беспроцентные, *кард ал-ҳасан*) и производственные (на основе участия в прибыли). Бигиев четко отличает ссуды из нужды (*иҳтийāдж*) без процентов от ссуд для выгоды (*касб*), где допустимо участие в прибыли (*иштирāк*). Это разделение сохраняет актуальность сегодня, подчеркивая этичность подхода автора по сравнению с унифицированной коммерческой практикой современных исламских банков. Бигиев предвосхищает исламские банки 1970-х, но в его модели такие институты представляют с более широким функционалом, включая социальную роль. В рецензии приводится анализ идей М. Бигиева с позиций современной финансово-экономической системы и актуальных проблем исламского банкинга. Отдельное внимание уделяется внутренним противоречиям текста и вопросам, которые труд оставляет открытыми для дальнейшей дискуссии. Книга представляет ценность для исследователей исламского права и финансов, специалистов в области *шарӣ‘ата*, экономистов и всех, интересующихся вопросами теории и практики исламского банкинга.

Ключевые слова: *закят*, Муса Бигиев, исламское право, *фикх аз-закят*, татарская богословская мысль, исламские финансы, исламский банк, *рибā*

Для цитирования: Калимуллина М. Э. Рецензия на книгу «Закят» Мусы Бигиева (М.: Издательский дом «Медина», 2025) // Ислам в современном мире. 2026. Т. 22. № 2. С. 245–260; DOI: 10.22311/2074-1529-2026-22-2-245-260

Поступила в редакцию: 27.02.2026

Принята к печати: 30.06.2026

Введение

Объект рецензии — обновленное издание комментированного перевода со старотатарского языка книги «Закят», изданной в 1916 г. в Петрограде¹. В книге последовательно рассматриваются вопросы соотношения *закята* и налогов, а также вопросы, связанные с ростовщичеством и банковской сферой. Автор книги — известный татарский ученый-теолог Муса Джаруллах Бигиев (1875–1949).

С методологической точки зрения книга М. Дж. Бигиева не в полной мере соответствует формальным требованиям, применяемым к современным научным изданиям: в ней повествование сменяется анализом, а анализ — повествованием, которое, в свою очередь, дополняется многочисленными отступлениями. Однако при подготовке русского перевода издатели бережно сохранили ее аутентичную оригинальную структуру, дополнив новое издание развернутым научно-справочным аппаратом, который вводит теологический текст в актуальный академический контекст.

Рецензируемое издание снабжено подробными комментариями, разъяснениями касательно упоминаемых в книге личностей, трудов, а также пояснений по иным вопросам, что позволяет читателю работать с текстом как с репрезентативным научным источником. Примечания редакции, помимо прочего, позволяют читателю ознакомиться с фрагментами трудов отдельных философов в тех случаях, когда автор оперирует не прямым текстом, а перефразирует его (речь идет, в частности, о цитатах из трудов Аристотеля на с. 93)².

Актуальность

Книга Мусы Бигиева «Закят» выдержана в традиции классического исламо-правового исследования, но при этом сочетает глубину анализа с точки зрения *фиqhа* с анализом финансово-экономических процессов того времени. Как отмечается в предисловии к изданию (с. 13), автор выступает сторонником подхода *мақъсид аш-шарй‘а*, то есть развития исламской финансовой модели на основании изначальных принципов *шарй‘ата*; подобный системный подход часто встречается как в современных научных работах по исламским финансам, так

¹ Бигиев М. Закят. Пг.: Типография Мухаммада Алима Максудова, 1916. 96 с.

² Здесь и далее ссылки на страницы приводятся по: Бигиев М. Закят / Духовное упр-е мусульман РФ; Моск. ислам. ин-т; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова; пер. со старотатар. И. А. Зарипова и Т. Х. Хабибуллина, примеч. и предисл. И. А. Зарипова. Серия: «Исламская мысль в России: возрождение и переосмысление» («Наследие Мусы Бигиева»). М.: Издательский дом «Медина», 2025. 160 с.

и в выступлениях на конференциях практиков исламского банкинга. В этой связи очевидна преемственность между мыслью российского ученого-теолога начала прошлого века и современной исламской научной школой, хотя подходы Мусы Бигиева были значительно опережающими свое время.

Книга была написана во времена, когда банковская система получила распространение по всему миру и влияние банков на экономику и общество стало очевидным. Не явилась исключением и Российская империя. В этой связи мусульманские ученые не могли обойти стороной проблематику запрета ростовщичества и роль банков в экономике. Однако, судя по словам Мусы Бигиева, ответы на этот конфликт давались разные. И он предпринимает собственную попытку исследования вопроса и предлагает возможное решение.

Муса Бигиев отмечает, что один философ или ученый не в состоянии постичь все социальные законы, явления и факторы: «Каким бы великим ни был ум, он может что-то упустить, не заметить» (с. 71), поэтому многие вопросы не имеют окончательного или единственно верного решения на все времена. Более того: «...Если какой-то научный вопрос не имеет окончательного решения, то признание факта нерешенности более соответствует этике деятеля науки», — и поэтому «...признание и исследовательская деятельность в науке более полезны, чем бездействие и провозглашение теорий, результат которых не является абсолютной истиной» (с. 71).

По сути, ученые современности находятся в постоянном поиске наилучших решений в свете постоянно изменяющейся финансовой конъюнктуры, появляющихся новых решений, технологий, вызовов, кризисов и так далее. Важность этой работы была подчеркнута более 100 лет назад в этой книге, и сегодня мы продолжаем убеждаться, что непрерывный *иджтихād* крайне важен для наиболее полного воплощения *мақāсид аш-шарī‘а*.

В 1970–1980-х гг. благодаря усилиям и решениям отдельных личностей было положено начало современной исламской банковской системе на практике — не как разовые попытки, а как мировое явление. Однако сложности развития современной исламской банковской отрасли свидетельствуют о необходимости пересмотра модели развития исламского банкинга и вообще модели исламской финансовой организации. Все чаще звучит критика в отношении того, что модель выбора именно банковской структуры, возможно, была не совсем правильной для воплощения целей *шарī‘ата*. Однако, если учитывать время издания труда Бигиева, 1910-е гг., возможно, создание таких институтов тогда привело бы к большей их роли в мировой финансовой системе — ведь тогда еще действовал золотой стандарт, и финансовая отрасль выглядела несколько по-другому. Исламский банкинг

вошел в эту сферу спустя 60 лет после написания труда Бигиева, когда мировая финансовая система претерпела значительные изменения. И хотя исламскому банкингу было крайне сложно занять более важное место в определении концепции развития финансовой системы, он остается в значительной степени зависимым от мировой банковской процентной конъюнктуры.

К сожалению, ряд последующих трудов автора, написанных спустя более чем 20 лет после данной книги, но также посвященных проблематике финансов (это труды по вопросам страхования и ростовщичества, опубликованные примерно в 1940-х гг.), не являются сегодня достоянием общественности (насколько нам известно из примечаний переводчика). Остается открытым вопрос об эволюции взглядов автора по данной проблематике. Тем более что, по некоторым данным, эти труды были опубликованы в Индии, а мы знаем, что как раз в этой части света в 1940-х гг. началась новая волна научных публикаций по тематике исламских банков.

М. Бигиев как исследователь, хадисовед и лингвист — обсуждение статьи о *закяте* и налогах в журнале «Шура»

Первая часть труда посвящена вопросам *закята*, однако не комплексному изучению темы, а рассмотрению обсуждаемого на тот момент в мусульманской прессе вопроса о соотношения *закята* и налогов. Данный вопрос был поднят в 1915 г. на страницах татарского издания «Шура» («Совет») Хаджи Ахмадом Амировым. В ответ на это в 1916 г. была опубликована статья Закира-эфенди Аюхана, которую наш автор подвергает критическому разбору (назовем ее для удобства «ответная статья»). При этом информацию о том, кто является автором статьи, которая поднимала новые на тот момент вопросы по *закяту*, мы находим только на десятой странице рассуждений автора. Некая непоследовательность в изложении, по всей видимости, была нормой для того времени.

Автор приводит историю ознакомления его с данной статьей. Значительная часть текста посвящена разбору ошибки, встретившейся ему в тексте приводимого *хадйса*. Изначально Муса Бигиев воспринял незнакомую ему версию *хадйса* как нестандартное или неожиданное для него написание: вместо термина *натнй* (النتنى) он встретил вариант написания *санй* (الثنى). Перепроверив первоисточники, он приходит к выводу об ошибке автора ответной статьи. Этот эпизод характеризует Мусу Бигиева как внимательного исследователя и защитника текстов *хадйсов*, приверженца максимально подробных и полностью

основанных на доводах доказательств. Таким образом, с первых строк этой книги мы знакомимся с серьезным исламским ученым, который глубоко погружен в проблематику и хорошо знает тексты Благородного Корана и *хадисов*, который дает нам понять, каким, по его мнению, должен быть подход ученого, когда он встречается в публикациях других авторов какие-либо несоответствия или когда применяемая терминология вызывает у него вопросы.

Буквально через несколько строк мы знакомимся с автором уже в роли лингвиста, который расписывает различные словоформы и производные от арабских корней. И тем самым еще более убеждаемся в его обширной базе знаний, необходимых для его реализации как ученого.

При этом далее Бигиев поясняет причину того, почему он посвятил разбору данной ошибки (которая, казалось бы, не является ключевой для рассматриваемого вопроса) несколько страниц. По его словам, он не сделал бы этого, если бы речь шла не о тексте *хадиса*, и дает отсылку на слова анонимного поэта:

«А того, кто поправит слова рассказчика,
Если это не хадис Избранника или айаты,
Без разрешения его или его товарища,
Покинули воспитанность и сдержанность»
(с. 40).

Наконец автор переходит к анализу собственно ключевых тезисов ответной статьи. Муса Джаруллах очень четко разделяет понятия «*закят*» и «налог» и возражает автору ответной статьи Закиру-эфенди Аюхану, обосновывая, что *закят* и налог — это совершенно разные исламские категории. Главное отличие *закята* от налога, по его словам, состоит в том, что «средства, идущие на оплату предоставленных возможностей, каких-то выгод, никоим образом не могут стать *закятом*. В *закяте* средства должны быть чистыми, то есть выплачиваемыми не за предоставленные возможности или ради выгоды» (с. 45). В своем анализе Муса Бигиев выходит за рамки критики выводов автора «ответной статьи» и делает замечания в отношении ее языка и стиля, который, по его мнению, является слишком вольным по отношению к мусульманскому правовому наследию (с. 45–46).

Исламская экономическая теория и вопросы ростовщичества (*рибā*)

Опираясь на коранические *айаты*, автор последовательно рассматривает ключевые аспекты дискуссии о *рибā* (ростовщичестве).

В частности, он поясняет, что запрещен любой рост, не только высокие проценты, ибо «ростовщические отношения в корне, как бы ни был мал процент, являются «удвоенными и приумноженными» (с. 61).

Автор приводит интересный сравнительный анализ термина «кредит», который прямо переводится как *и'тибār*, и терминологии Корана и *фикха* и заключает, что в своей лингвистической и смысловой основе слово «кредит» соответствует термину *амāна* — доверие (*и'тимāн*) (с. 78).

По мнению Бигиева, польза кредита заключается в возможности аккумуляирования больших сумм капитала для крупных промышленных и иных задач, а также он позволяет выводить сбережения «из инертного состояния» (с. 79) и позволяет увеличить сферы применения капитала, осваивать больше пустующих земель, предоставляет возможность кооперации между собственниками капиталов и трудом (предпринимателями), обеспечивается непрерывность производства. При этом к положительным чертам автор относит и некредитные функции банков — это денежные переводы, безналичные платежи.

Автор предвидел усиливающуюся важность золотых резервов: «судя по нынешнему уровню развития культуры, золотой резерв приобретает все большее значение» (с. 82). К сожалению, нам хорошо известны последствия отказа от золотого стандарта, который произойдет спустя десятилетия после издания данного труда.

Рассматривает автор и мнение современников относительно допустимости прибыли от собственности — вопрос, который получил значительное внимание в начале XX в., а в то время были более сильны позиции сторонников левых взглядов. При этом автор не останавливается на этом вопросе, заключая, что «процент с капитала компаний, проценты с капиталов, имеющих обращение в торговых или промышленных отраслях, по нормам ислама, являются разрешенными» (в этом контексте вероятнее следует воспринимать термин «процент» как «доход» или «прибыль»).

Автор выделяет и недостатки кредитных отношений, отмечаемые экономистами. Среди них — снижение предпринимательских (инвестиционных) амбиций населения; распределение займов не всегда происходит в соответствии с наилучшими общественными интересами, более того, «капиталы... растрачиваются» (с. 90); выплата займов ложится на будущие поколения (здесь уместно отметить и встроенную инфляцию — которая наблюдается на многие потребительские товары в наши дни, — это как плата общества за кредит, в результате чего деньги подвержены постоянному обесцениванию — ситуация, которая еще не стала реальностью во время автора). К этому можно добавить и многочисленные случаи мошенничества и вывода средств представителями банковского сообщества, происходившие на протяжении столетия после написания данного труда.

Рассмотрев природу кредита, автор в четвертом разделе переходит к обсуждению процента как платы за кредит. По словам автора, плата за привлечение капитала необходима в качестве стимула. Он начинает свои рассуждения с допущения, что «система кредитных отношений в торговле может быть обеспечена исключительно силой процента» (с. 92).

Согласно описанию, которое автор дает в одной из теорий процента, «благодаря капиталу у заемщика увеличились производственные силы, многократно возросла выручка. Если с полученной выручки заемщик получит долю труда, а собственник капитала получит долю капитала, в этом нет ничего противоречащего справедливости» (с. 100). Данное заключение, хотя и можно на первый взгляд воспринять как оправдание процента с капитала, на самом деле не является таковым. Ведь автор говорит о ситуации, когда привлеченные средства привели к росту доходности предпринимателя. Но ведь ситуация может быть и обратной. Вероятно, путаница может возникнуть и ввиду применяемой терминологии. Для нас, современных исследователей вопросов исламской экономики, более привычно и правильно применять термин «доля прибыли» как доходность лица, предоставляющего финансирование (инвестора). Автор же использует термин «доля капитала», однако далее он поясняет: «Процент ссудного капитала не является частью капитала, полученного путем ссуды, это ежегодная или ежемесячная доля прибыли, полученной с капитала» (с. 100) — таким образом, логика автора вполне вписывается в современную сделку *мушāрака* или *мудāраба* — партнерства на основе разделения прибыли.

Не обходит стороной автор и временную стоимость, заключающуюся в тезисе «капитал, имеющийся на руках сейчас, — лучше того, который будет в будущем» (с. 105). Автор опровергает этот подход: «Бережливый человек оценивает будущие выгоды так же, как выгоды сегодняшние... Ни одному человеку в голову не придет потратить в один день все свои капиталы для удовлетворения своих сегодняшних потребностей, для наслаждений и комфорта. Вероятно, он будет ждать, предпочитая будущие выгоды и будущие обстоятельства сегодняшним выгодам, то есть отсроченные деньги оценит выше наличных» (с. 106–107). Автор пишет: «Если выгода от использования средств производства будет приписываться их собственникам, то убытки также должны приписываться собственникам», и далее заключает: «мудрый предпочтет отсроченные деньги наличным», приводя *айат* из Корана «ведь последнее для тебя — лучше, чем первое» (с. 107).

Завершает обзор теорий процента Муса Бигиев анализом подхода сторонников марксистской теории о полной несправедливости процента как платы собственникам капитала (с. 109 и далее).

На протяжении времени могла превалировать та или иная теория — от полного запрета до полной нормы процента по займу. И последнее

является реалиями времен автора: «на исходе XVIII в. сторонники ростовщичества взяли верх, а идеи запрещения полностью утратили свое значение в цивилизованном мире» (с. 108) — и остаются реалиями наших дней.

По мнению автора, рассмотренные теории процента представляют собой две крайности: одни эксплуатируют рабочих (поставщиков труда), другие — собственников капитала, в то время как ни одна из групп ученых-экономистов не выработала сбалансированный, справедливый для обоих классов подход. При этом автор соглашается с тем, что с точки зрения подхода к проценту «самой сильной является трудовая теория, благодаря которой отчетливо видна незаконность процента» (с. 114).

Наконец, в пятом разделе автор излагает взгляд на ростовщичество мусульманских ученых-правоведов. Он уделяет особое внимание аргументации в пользу вреда ссудного ростовщичества (*рибā ан-наси'а*), как с позиции отдельного человека, так и с позиции общественного блага. Автор выводит правило, отличающее запретную сделку: «если у одной из сторон есть требование к возмещению ожидания, отсрочки, то это и есть запретное ссудное ростовщичество — долговое ростовщичество». Таким образом, это правило объединяет ситуации и займа под проценты, и проценты (пени) в обмен на просрочку, будь то по займу, либо по обязательствам по иной сделке.

При этом Муса Бигиев не соглашается с позицией тех мусульманских ученых, которые считают, что долговое ростовщичество касается только ограниченного перечня товаров, и считает, что оно распространяется на любые товары. Более того, оно является запретным независимо от размера процентов.

При этом автор считает, что при рассмотрении вопроса о ростовщичестве необходимо учитывать реалии, в частности, интересы государства и общества, и критикует мусульманских ученых-правоведов за пренебрежение этим (с. 199).

Автор также рассматривает второй вид ростовщичества — *рибā ал-фадл* (ростовщичество обмена) — и начинает с известного *хадīса* об обмене шести видов активов в равном количестве «из рук в руки». По мнению автора, запрет на такой обмен может быть связан с недопущением излишества — когда одни пренебрегают благами и требуют большего качества аналогичного товара в обмен на большее его количество. «Самая ничтожная степень роскоши — не довольствуясь одним из видов еды или одежды, выбросить его, искать другую, более высокую его разновидность» (с. 125). Еще одной причиной запрета является ограничение средств, ведущих к запретному: «если было бы законным приобретение одного особенно красивого дирхама за два дирхама, то в таком случае ускоренная прибыль открыла бы пути для сделок отложенной прибыли; ускоренная

прибыль стала бы средством для ссудного ростовщичества; законность ускоренной прибыли в товарах одного вида приучила бы людей к ссудному ростовщичеству» (с. 127). При этом автор высказывает мнение, что золотые изделия могут продаваться за золото иного веса (с. 133).

Муса Джаруллах выражает несогласие с теми учеными, которые считают, что пользоваться процентами по займам мусульманину в немусульманской стране дозволяется (при этом он приводит диалог на эту тему двух ученых-современников на одном из собраний). Автор сетует на то, что подобный уровень (можно сказать, недальновидности или невежества) свойствен не только отечественному сообществу, но и турецким *шейх-ул-исламам*, индостанским *мевлеви*, туркестанским *дамуллам* и арабским *шейхам* (с. 132).

Автор предлагает создавать фонды целевого капитала, которые осуществляют свою деятельность либо на благотворительной основе, либо на основе беспроцентных ссуд — по сути, это направление, которое сегодня является актуальной темой, — с принятием 417-ФЗ о проведении эксперимента по партнерским финансам в России в 2023 г. начали учреждаться и фонды *кард ал-хасан*. Однако пока такие виды организаций ввиду ограничений российского законодательства создаются отдельно и не сочетают в себе функции благотворительной организации, поскольку по закону беспроцентный заем не относится к видам благотворительности.

Автор видит ростовщичество причиной многих проблем современности, в частности, состояния мусульманских стран и общества. И «в каждой из этих губительных бед есть и вина правоведов — их *иджтихāды*, касающиеся ссудного процента, недостаточны; их законные (вредные) уловки относительно ростовщичества, к которым они прибегают в книгах по праву от имени ислама, — отвратительное преступление» (с. 140). Среди таких «уловок» он перечисляет дозволение некоторой «прибавки» вместо процентов, допущение ростовщических отношений между родственниками или с иноверцами.

Ключевая идея труда — принцип разделения целей финансирования

Вторая и последующие части книги посвящены ссудам и ростовщичеству. Муса Бигиев приводит описание того, насколько изменилось практическое применение ссуды по сравнению с древностью. В его время, как отмечает автор, ссуды берут не только бедные, они предназначены не только для поддержания прожиточного минимума. Также он отмечает, что ссуды можно направлять на преобразование мира, государства и экономики.

При этом тезис «ссуда, опирающаяся на основы благотворительности и доверия, так же мало распространена в мире людей, как и сами качества благотворительности и доверия» (с. 76) является важным заключением автора, характеризующим реалии того времени. Еще одним качеством ссуды тех реалий выделяется ее польза как для дающего, так и берущего. При этом автор отмечает, что сами по себе ссуды под проценты имеют как сторонников, так и критиков и доводы обеих сторон сильны. Автор приходит к выводу о том, что ростовщичество является сложнейшим вопросом современности.

Одной из наиболее ценных рекомендаций автора, которая не только не потеряла, но, напротив, обрела еще большую актуальность в наши дни, является рекомендация о том, что ссуды или, собственно говоря, финансирование (предлагаю использовать данный термин, который, на мой взгляд, наиболее полно охватывает тематику) следует разделить на два типа, в зависимости от их целей. Первое — это то, что передается с целью потребления конечным получателем. Это, как правило, касается наименее обеспеченных участников финансовых отношений — малообеспеченных физических лиц. Второй тип — финансирование, которое получают с целью извлечения прибыли — например, через производство, торговлю или для создания чего-то нового. Соответственно, по мнению автора, подход к данным двум типам финансирования должен быть различный. Там, где целью является потребление, речь должна идти только о беспроцентных ссудах или о том, что сегодня в современных стандартах исламского финансирования именуется *кард ал-хасан*. Что касается финансирования в целях производства дополнительных благ, здесь можно говорить о доходных видах отношений.

Рассуждая о природе ссуды, автор отмечает, что ее первая цель — пожертвование, поскольку ссуда не реализуется без перехода собственности от дающего к берущему, а возврат ссуженного имущества «не в воле дающего». То есть, давая в долг, заимодавец никогда не знает, будет ли осуществлен возврат, несмотря на его право истребования, поэтому в этом преобладает намерение делать благо. «Я отделяю ссуды, взятые из-за нужды (*ихтийādж*), от ссуд, взятых для приобретения выгоды (*касб*), проценты за предоставление отсрочки (*интизār*) от процентов за участие (*иштирāk*). Ссуды, взятые из-за нужды, не дают роста, в них нет процентов, поэтому взимать или требовать процент с них запрещено. Ссуды, взятые для приобретения выгоды, обращаются в сфере приобретения выгод, дают рост, возникает прибыль. Получать процент путем участия возможно и позволительно» (с. 135).

Сегодня мы можем выделить различные типы финансирования, применяемые исламскими финансовыми учреждениями, которые не применялись во времена Мусы Бигиева. Это, например, *мушāрака*,

мудāраба, мурабаха и пр. Бигиев не применяет данные термины, но смысл в том, что исламский банк в таких видах финансирования может получать прибыль.

Автор предлагает путем внесения небольших изменений в уставы банков предусмотреть эти два вида финансирования: переводя на современный язык, это может быть финансирование для нуждающихся, которое может быть только беспроцентным, и финансирование коммерческих проектов, которое может быть основано на участии в прибыли. «С внесением небольших изменений в уставы банков современного общества банковские операции примут вид именно займа второго типа, то есть банк будет брать заем у владельцев денежных средств, а используя накопленные средства в экономике, получит определенный процент прибыли. Владелец денежных средств получает свою долю, определенную в уставе банка» (с. 55).

Таким образом, Муса Бигиев предлагает уже на базе действовавших тогда банков вносить изменения в уставы и реализовывать такого рода модель. Конечно, исламские банки появятся, но произойдет это лишь спустя несколько десятилетий. Практически это произойдет только в 1970-х гг. Отдельные попытки будут и ранее, в 1960-х гг. Однако модель исламского банка реализована не полностью в том контексте и в том ключе, который предлагает Муса Бигиев. И в этом смысле его взгляд и подход являются прорывными даже для нашего времени, более гуманными, социальными и этичными.

В наши дни исламские банки в большинстве своем преследуют единую коммерческую политику в условиях финансирования: будь то потребительское финансирование или финансирование бизнеса. Более того, зачастую мелкая потребительская розница обходится для клиента еще дороже, чем долгосрочное финансирование бизнеса. К сожалению, подход, связанный с оценкой рисков, перенятый из общего банковского рынка, нередко приводит к тому, что наиболее нуждающиеся получают наименее выгодные условия финансирования. Мысли и предложения уважаемого автора в этом отношении заслуживают пристального внимания и практического осмысления.

В какой-то степени автор видит исламские банки в функционале, гораздо более широком, чем они воплотились в начале XXI в. Он видел в исламском банке объединение функций коммерческой структуры и социально-благотворительной организации, поскольку через такую структуру могли бы собираться и распределяться средства *закята* и иных пожертвований (с. 56). То есть автор видел возможным универсальные исламские банки с более широким функционалом и социальными функциями. «Требуется вернуть к жизни подробно описанные в книгах по мусульманскому праву казначейства (*байт ал-мāl*), сделать исламские казначейства исламским банком, то есть

использовать казначейства для сбережения, накопления капиталов... Если бы в исламском мире были учреждены казначейства (*байт ал-мāl*) или, скажем, исламские банки, аккумулирующие средства, собранные от закята в виде пятой части дохода, десятины, полдесятины, четверти десятины, а также определены фонды, направляемые на потребительские ссуды и благотворительность, инвестирование торговли и предпринимательства, то не было бы и проблем с ростовщичеством» (с. 138).

При этом автор отмечает и роль государства в защите финансовых ресурсов, но не вдается глубоко в механизмы такой защиты.

Обратимся к наиболее, на мой взгляд, дискуссионному тезису автора: «Обычно, если величина прибыли достаточна, определение соотношения в размере пяти или десяти процентов с вложенных капиталов не будет порочным. Вероятно, в этом вопросе нет необходимости придерживаться ограниченных условий богословско-правовых школ» (с. 136) — прямой смысл этих слов вроде бы говорит о дозволенности процента по ссудам на коммерческие цели. Но если исходить из общего смысла рассуждений автора и некоторых пояснений, можно прийти к выводу, что автор таким образом пытается предложить форму участия в прибыли: «исламские банки принимают вклады, осуществляют кредитование, получая процент согласно принципу участия в прибыли, но в этих отношениях отсутствует ссудный процент» (с. 139). Одновременно у автора есть сомнения касательно реализуемости такого способа: «...Было бы прекрасно иметь возможность общей оценки долей кредитора и заемщика в возможной прибыли без необходимости устанавливать определенное соотношение, например, в пять процентов с вложенных капиталов. Однако в общественных отношениях совершенно невозможно систематизировать подобные вещи» (с. 136). Вероятно, последнее предложение связано с недостаточно глубоким погружением автора в специфику финансовых отношений и возможности структурирования сделок. По сути, его описание соответствует модели *мудāраба* как идеальной и правильной, но в то же время он говорит о невозможности ее реализации в полной мере. С одной стороны, если исходить из реалий наших дней, действительно, при расчете участия в прибыли инвесторы так или иначе исходят из ожидаемой доходности на капитал. Да, в будущем она может отличаться от расчетной, но ориентир применяется именно такой. С другой стороны, автор был прав в том, что именно *мудāраба* практически не применяется сегодня исламскими банками в качестве вида финансирования. Однако причина этого — это тема для отдельной дискуссии.

Противоречия и структурные недочеты

Нельзя не обратить внимание на некоторые противоречия в книге. В частности, автор пишет о том, что в данной работе трудные, с точки зрения исламских правоведов, наиболее важные для мусульман вопросы освещены «в полном объеме», и в то же время говорится о том, что «время, отведенное на данную работу, было чрезвычайно коротким, голова занята была более заботами, нежели размышлениями, да и готовность к работе была неполной» (с. 31 и 33). Однако вероятно, это намеренный авторский прием.

Труд составлен таким образом, что в отдельных случаях сложно сразу отличить, где автор излагает доводы сторонников той или иной теории, а где — собственные выводы, особенно когда автор поддерживает доводы отдельных экономистов *айатами* из Корана (например, на с. 109).

Последняя часть книги, начиная со с. 142, по тексту выглядит как введение к книге. По крайней мере, читателю было бы логично знакомиться с ней вначале. Более того, в книге, вероятно, изначально задумывалось сначала изложить вопросы ростовщичества, а затем перейти к *закяту*: «Благородный Коран объединяет айаты, посвященные ростовщичеству, с айатами, посвященными милостыне. Так же и я, поступая согласно мудрому порядку Благородного Корана, перейду от вопросов ростовщичества к вопросам закята» (с. 144).

Заключение

Автор видит в ростовщичестве причину многих бед мусульманских стран и общественных конфликтов и подчеркивает ответственность правоведов за «недостаточные» *иджтихāды* и «уловки» по поводу *рибā*. Сюда он относит допущение некоторой прибавки вместо процентов, ростовщические отношения между родственниками или с иноверцами как пробелы в более широкой системе. Вместе с тем он показывает, как через реформирование банковской системы мусульманский мир мог бы избежать чрезвычайной зависимости от западных финансовых схем.

Работа имеет научную ценность для современной науки о финансах и роли исламских банков. Исследование Бигиева является прорывной попыткой поставить исламскую финансово-правовую традицию в диалог с кредитной системой своего времени. Это ценная работа, достойная широких дискуссий в рамках тематики по исламским финансам, *макāsид аш-шари‘а* и социальной роли финансовых институтов. Большая благодарность переводчику и редакции за проделанную кропотливую работу.

Reviews

Review

REVIEW OF THE BOOK “ZAKĀT” BY MUSA BIGIEV* (MOSCOW: MEDINA PUBLISHING HOUSE, 2025)**

Abstract. The review analyzes the work of an outstanding representative of Islamic modernism, the Tatar theologian Musa Jarullah Bigiev, “Zakat” (written in 1916; published in Moscow by Medina Publishing House in 2025, 160 p.), which consistently examines the relationship between *zakāt* and taxes, issues of usury (*ribā*), and a potential model of an Islamic bank. This edition is supplemented with valuable comments by the translator and editors, which facilitate a faster immersion into the historical context. The book remains relevant for its *maqāṣid al-sharī‘a* approach and *ijtihād*, which anticipated the development of modern Islamic banking, emphasizing the need for a continuous search for solutions in a changing financial environment. The first part of M. Bigiev’s work is devoted to the debate on the relationship between *zakāt* and taxes, presenting a detailed analysis of an article by his contemporary, Zakir Ayukhanov, in which the author identifies both textual and methodological errors. Through analysis of inaccuracies in the rendition of *ḥadīth* and linguistic remarks, M. Bigiev emerges as an attentive researcher and expert in the Arabic language, Qur’ānic texts, and Sunnah. In conclusion, he consistently proves the fundamental difference between *zakāt* and tax. In the second part, relying on Qur’ānic verses, M. Bigiev analyzes *ribā* from various aspects, citing the arguments of supporters of different economic schools and responding to them. The greatest value of the work lies in the author’s approach, which distinguishes

*

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© M. E. Kalimullina, 2026

© Islam in the modern world, 2026

** Bigiev, Musa. *Zakāt* / Religious Board of Muslims of the Russian Federation; Moscow Islamic Institute; edited by D. V. Mukhetdinov; translated from Old Tatar by I. A. Zarirov and T. Kh. Khabibullin, with notes and foreword by I. A. Zarirov. Series: “Islamic Thought in Russia: Revival and Rethinking” (“Heritage of Musa Bigiev”). Moscow: Medina Publishing House, 2025. 160 p. (In Russian).

Reviews

consumer loans (interest-free, *qard al-ḥasan*) and productive loans (based on profit-sharing). M. Bigiev clearly differentiates interest-free loans given out of necessity (*iḥtiyāj*) versus loans for profit (*kasb*), where profit-sharing (*ishtirāk*) is permissible. This distinction remains relevant today, highlighting the ethics of author's approach compared to the unified commercial practices of modern Islamic banks. M. Bigiev anticipates the Islamic banks of the 1970s, but in his model, such institutions have wider functionality, including a social function. This review provides an analysis of M. Bigiev's ideas from the perspective of the modern financial and economic system and contemporary issues of Islamic banking. It outlines internal inconsistencies in the text of the book and highlights questions that remain open to further debate. The book is valuable for researchers of Islamic law and finance, *Shari'a* experts, economists, and all who are interested in the theory and practice of Islamic banking.

Keywords: *zakāt*, Musa Bigiev, Islamic law, *fiqh al-zakāt*, Tatar theological thought, Islamic finance, Islamic bank, *ribā*

For citation: Kalimullina M. E. Review of the Book “*Zakāt*” by Musa Bigiev (Moscow: Medina Publishing House, 2025). *Islam in the modern world*. 2026; 22(2):245–260. (In Russ.); DOI 10.22311/2074-1529-2026-22-2-245-260

Received: 27.02.2026

Accepted: 30.06.2026

Madina E. KALIMULLINA,

Cand. Sci. (Econ.); associate professor,

National Research University “Higher School of Economics”

(11, Pokrovsky Bulvar, 109028, Moscow, Russian Federation).

E-mail: mk@alifconsult.com

ORCID ID: 0000-0003-3829-1934

